

Анатолий Поляков

**СТРОИТЕЛЬСТВО
КОММУНИЗМА**

Анатолий Поляков
Строитель коммунизма

«Издательские решения»

Поляков А.

Строитель коммунизма / А. Поляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933309-4

Анатолий Поляков — лауреат Первого международного конкурса поэзии «Глагол» и премии журнала «Кольцо А», автор четырех поэтических книг; стихи и проза публиковались в «Дружбе народов», «Книжном обозрении», альманахе «Истоки» и др. В сборник прозы «Строитель коммунизма» вошли две повести — живое свидетельство о поколении тех, кому «предстояло жить при коммунизме» (СССР — «начало конца») и очерки из энциклопедии «История России. XX век» (том был готов к печати в 1998 г., но так и не вышел в свет).

ISBN 978-5-44-933309-4

© Поляков А.
© Издательские решения

Содержание

Третий семестр,	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Строитель коммунизма

Анатолий Поляков

© Анатолий Поляков, 2018

ISBN 978-5-4493-3309-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Третий семестр, или Строитель коммунизма Повесть

Глава 1

1

«И за что, за что они так со мной! Что я им сделал? ну что?» – свербила, саднила одна и та же мысль, жег его один и тот же вопрос, от которого напрягалась, вдавливалась в матрас спина... Он лежал в темноте, до подбородка натянув тонкое одеяло. Было тихо, пожалуй, даже слишком тихо – лишь иногда слышалось то легкое посапывание, то скрежет панцирной сетки. Только что здесь, на его месте, лежала чья-то грязная, с потеками глины, телогрейка, а еще раньше – чужой человек. Лица человека он так и не смог разглядеть... Да как же это могло с ним произойти? Ведь все было хорошо, с самого начала все было хорошо!..

Черное небо вздрагивало и ломалось с раскатистым сухим треском. Отражения скачущих и летящих огней скользили в потоках, что текли под уклон. Павел бежал по воде мимо нечетких, плавившихся витрин, рассекая, распарывая плотную массу дождя. Радость, неудержимая дикая радость обрушивалась на голову и плечи, заливала лицо: сегодня! – сегодня он досрочно сдал последний экзамен; сегодня! – ему исполнилось восемнадцать; завтра! – или, вернее, уже сегодня! – он, Павел Виноградов, едет – или, вернее, летит! – в дальний отряд, сводный отряд института... Легко отскочила дубовая дверь метро, замелькали скользкие ступени эскалатора (ковбойка и джинсы прилипли к телу и мешали бежать). Быстрее! – ему удалось проскочить меж сходящихся створок: – Ап! – последний поезд, успел, скоро вставать...

На плите мама оставила сковородку – что может быть лучше холодной яичницы с ветчиной! Он проглотил все, вылизал дно коркой черного хлеба, стянул с себя мокрую одежду и встал под душ. Потом он лежал и ни о чем не думал, только приятно покалывало в руках и ногах... Часа через два его разбудил отец – в шесть придет такси. Было совсем светло... Собрал рюкзак, оглядел себя в зеркале: новая форма узковата в плечах, пуговицу на груди пришлось расстегнуть...

Машина шла по набережной, асфальт еще не просох, снова стало накрапывать. Шофер притормозил на красный у моста и включил дворники, казалось, только они и движутся – из стороны в сторону, как два метронома: так... так, так... так... Какой все же удивительный транспорт – такси! Ровно урчит мотор, мягко светят приборы, и видно все вокруг, и – скорость, скорость! И запах – особый, острый, запах свободы и праздника... Когда-то – сто лет назад! – такси у ворот больницы. Солнце растоплено в лужах; снег старый, грязный; старые, чужие стены. Воздух – настоящий, а не спертый больничный, с примесью казенных простыней, хлорки и пищеблока. Такси у ворот, за высокой облупившейся оградой. Он подошел на ослабевших ногах, взялся за невероятную хромированную ручку; сзади – растерянные, счастливые – сели отец и мама. Так сидели они и сейчас...

Водитель резко рванул с места. Вот они свернули в Зарядье, проехали Кремль. Улица Горького, здесь он был этой ночью, да только ли этой... Москва! Он смотрел на дома, на лоснящийся мокрый асфальт, на редких в это воскресное утро прохожих... Вот он уезжает, улетает отсюда далеко-далеко. Чтобы работать, строить. Чтобы через два месяца вернуться – «обстрелянным», повзрослевшим, вкусившим от древа жизни... Площадь Маяковского. Белорусский

вокзал. «Аэропорт». У аэровокзала Павел сразу узнал своих – по гитарным аккордам, по зеленой форме с голубой эмблемой на рукавах. Их было много, больше трехсот.

2

«Да как же это? со мной?.. Но, пожалуй, я не первый. Не я первый, не я последний. Сначала был Васька, потом Дёма... Нет, наверно, все-таки последний: две недели осталось...»

– Вставай, растяпа, нас обокрали!

Павел открыл глаза. В двух шагах, на койке, бородатый детина орал спящему соседу в самое ухо:

– Васька! Вставай, паршивец!

Светились никелированные спинки кроватей, по проходу сновали полуодетые парни. Тот, кого называли Васькой, незрячий, привстал на локтях и замотал головой, отгоняя сон, но веки будто срослись, и он ничего не мог с ними поделать: солнце светило ему в глаза.

– Васька, сын мой, очнись! – детина уже тряс свою жертву под общий хохот короткими толстыми колбасками. Он был похож на купца или на разбойного попа-расстригу, как их показывают в кино: мясистые щеки на бычьей шее, прикрытой волосами, и грудь, переходящая в округлый живот.

Вставать не хотелось – на новом месте долго не мог заснуть: разница во времени, да и вспоминалась куриная ножка на игрушечной аэрофлотовской тарелке. Но было вчера что-то еще... очень, очень хорошее...

Солнце садилось в сопки. Дорога шла по тайге, то поднимаясь, то опускаясь; по сторонам – золотистые сосны, розовые стволы берез; ветер в лицо.

– Интересно, сколько мы тут загребем? – справа белобрый, вытянутый по вертикали парень. Сосед его, бритый наголо, протянул нараспев в светлую бородку:

– Да уж нема-ало, полкуска – не меньше. Да и коэффициент здесь один и две, так что, считай, полкуска – чистыми, это как пить дать!

– А вы что, сюда «загребать» приехали? – не сдержался Павел. Оба посмотрели на него странно и замолчали.

Автобус въехал в город, минут пять пылил мимо деревенских по виду домишек с палисадниками и остановился у четырехэтажной, красного кирпича, школы. Школа как школа, только в классах в два ряда – кровати. Внизу столовая: длинные столы, скамейки, на столах дюралевые миски с пшенной кашей...

Павел забросил рюкзак под свободную койку у окна и вышел. Перед входом – большой барабан, малый, тарелки на блестящих ножках, высокие черные колонки. «Раз, раз, раз...» – отдалось под козырьком; два-три парня настраивали гитары. За установку сел грузный парень, неожиданно легко и быстро прошелся по ней палочками. Но вот – два коротких удара по краю малого барабана – и запели, завибрировали колонки. «Добрый вечер, дорогие друзья! Перед вами выступает вокально-инструментальный ансамбль...» А ноги уже почти отбивали такт...

На фоне ярко освещенного холла, словно в театре теней, двигались играющие и поющие силуэты: «Легла на песок (пам-пару-па-пам!) от дерева тень! – Она пропаде-от, лишь скроется день! Она пропаде-от, лишь скроется день!» Быстро стемнело, народ на площадке прибывал, плясали в кружок. Его оттеснили за бровку газона. Сколько же их! Чужое все пока, чужое... Только звездное небо над головой – такое как дома. Дома... Свет фонаря пробивает листву; а гитара звенит, невидимая, на другом конце двора – сквозь черные кроны, оранжевые и желтые окна, сквозь влажную мглу омытых дождем тополей... Когда-нибудь, как знать, сможет спеть под гитару и он – и «Девушку с оленьими глазами», и «Черную розу, эмблему печали»...

И тут всё для него остановилось, не было ничего – только голос... Оркестр внезапно смолк, а голос все летел в высь, к небу, парил на недосыгаемой высоте, где тянулся лентой Млечный Путь, – парил, переворачивался, падал – падал и рассыпался капельками металла, нагнетая и выводя мелодию, которую снова подхватил оркестр...

Поверх голов он увидел силуэт девушки – волосы по плечам. Пронзительно ясно слетали слова, которых нельзя было понять. Словно пела она о том, чему нет названия на бедном человеческом языке...

Голос все еще звучал будто, и звал назад, в сон... Он видел, как Васька сел на койке, продрал наконец глаза, осознал, что смеются над ним, и из бледного стал пунцовым – до кончика утиного носа. Но солнышко так обливало светом, что его и без того широкий рот растянулся в улыбку...

– Жизнерадостный кретин, – бросил на ходу кто-то.

3

«Ну за что, за что! За что они так со мной?» На соседней койке спокойно спал Игорь, Игорек, всегда подтянутый и аккуратный. В аккуратности Игорек уступал, пожалуй, только Коленке...

Раскаленные брызги чернели и гасли на лету, падали и шипели.

Один за другим входили они по дощатому настилу сквозь узкую дверь в торце цеха в прохладу и полумрак. Пахло горелой сталью. Вместо пола – глина. Единственное яркое пятно – в углу, над входом в каптерку: «Решения XXIV Съезда КПСС – в жизнь!»

В каптерке вдоль деревянных столов, на неструганых скамьях – две бригады по тридцать человек. «... Помещение относится к разряду особо опасных для поражения электрическим током...» – Павел старался слушать инструктаж, но в ушах стучали вчерашние забойные ритмы, а в глазах прыгали зайчики электросварки... Он – боец отряда, на нем форма с эмблемой на рукаве. Пока, правда, без всяких регалий, но это только «пока»... Будут еще значки, будут и надписи на спине – отряды, стройки. Все, все еще будет!.. И та девушка? Как знать... Прораб пожелал им трудовых успехов. Павел примерил каску, расписался в журнале и получил удостоверение плотника-бетонщика 2-го разряда.

Каптерку пересекла невысокая, метра два, стенка – пилили доски, сбивали щиты, выносили мусор. В предбаннике поставили скамейки, вбили крюки для одежды, втащили калорифер, большой и ржавый. Их бригадир, похожий на шерифа (форма, ясный взгляд, ямочки на щеках), переходил от одного к другому, похлопывал по плечу, а то и сам брался за молоток.

Уголь летел по стене – Игорь рисовал на скамье, то съезживаясь на корточках, то выбрасывая вверх свои сто девяносто и длинную руку, – появлялись контуры «фрески»: два дюжих доисторических дяди поджаривали на вертеле тушу, не замечая хищного динозавра... Павел встал рядом с Игорем и стал рисовать пламя костра. Внизу тщательно красил траву розово-розовый пай-мальчик Коленка, словно и впрямь сметая кистью пыль столетий. У стены столпилось уже человек десять: каждый хотел «мазнуть разок». Оставив менее существенное «ученикам», Игорь сел за стол – карандаш так и ходил в удлинённых фалангах пальцев, выводя везде единственно необходимую линию, легко, воздушно, в одно касание, – один за другим появились несколько шуточных плакатов. На последнем – чашка кофе и надпись затейливой вязью: «Кафе-шантан»...

– Ну вот, вроде бы всё, – закусив губу, Игорь придиричиво оглядел интерьер и улыбнулся. То и дело переводя затвор новенькой «Смены», улыбался Коленка. В дверях, чуть поодаль от всех, растроганно улыбался бригадир...

4

Обед привозили прямо сюда, в «Кафе-шантан», в больших, литров на пятьдесят, термосах.

– Меню, как в анекдоте, – заметил Игорек, – на первое вода с капустой, на второе капуста без воды...

– На третье вода без капусты, – подхватил Костя Таллер, белобрысый, с тонкими длинными руками и вытянутым лицом. – Хорошо хоть чеснок дают!

– Че ж вы хоти-ите? на семьдесят копеек в день! – протянул в светлые усы Мишка. – Так, бригадир? – Тот только кивнул, не поднимая головы от миски.

Рубали щи, хрустели чесноком, наворачивали кашу, вилок добирали разваренные сухофрукты из компота – наедались до отвала. Потом сидели на штабелях досок, привалившись спиной друг к другу, курили (между калорифером и ящиком с плотницким инструментом стояли две коробки с длинными неразрезанными «макаронами» – плата за воскресники на фабрике «Ява», среди них попадались и настоящие сигареты). В инструментах Павел нашел банку с масляной краской, гвоздем нацарапал на каске кокарду.

– Что за эмблема? восьмиконечная звезда? – застал его за этим «поп-расстрига».

– Роза ветров.

– А-а... Ну, будем знакомы: Евгений Кириллыч.

– Евгений Крокодилыч! – поправил невысокий парень с седоватыми висками.

– А это мой друг, Старина Хэнк...

– Витя.

– Павел...

– Павел? Стало быть, Павлик? – Евгений Крокодилыч строго посмотрел из-под козырька каски. На вид ему можно было дать лет двадцать пять, а можно и все сорок. – Хорошо... Проходили мимо, видели, как ты работаешь. Хорошо, да-с.

– А он и рисует неплохо, – вставил Игорек, – вон какой костер нарисовал!

– Да вот земля какая-то странная, – смутился Павел, – глина да камни...

– Не «земля», а скальный грунт, – поправил бригадир.

– Пятой категории, – подхватил Костя.

«Скальный грунт»...

– Наша задача – фундамент под оборудование и укладка полов, – сообщил бригадир, построив их возле каптерки. – Рабочий день – десять часов, плюс час на обед. Работать будем в две смены, через неделю: с восьми до девятнадцати и с пятнадцати до двух. Пятьдесят минут работаем, десять – перекур. Вперед, орлы! Берите рукавицы и лопаты.

В цеху было сумрачно и сыро. Свет проникал только через редкие оконные проемы. Глина разворочена колесами самосвалов, в колеях вода. По глине – сеть полутораймовых труб, недавняя работа сварщиков. Бригадир указал ему на колышки, вбитые в глину: прямоугольник, метр на полтора, пересекали под разными углами три трубы. Неподалеку журчал компрессор.

– Глубина полтора метра, – сказал бригадир. – Задание ясно? Вперед!

Павел поднял отбойный молоток, большой и тяжелый, с широким долотом на конце, взялся за двойную отполированную ручку, нажал. Отбойник фыркнул, сплюнул через сопло отстоящуюся в шланге воду, затарахтел – долото ушло в глину. За полчаса он прошел контур и углубился на штык. В глине – как изюм в тесте – увесистые обкатанные бульжники. Отбойник, пытая и содрогаясь, дробил их, соскальзывал и вяз в глине. Штык лопаты наткался на обломки камня. Ноги утрамбовывали все это... Потом на дне показалась вода, глина вязла на сапогах. Когда он перешагивал через трубы, куски глины цеплялись за них, обваливались и шлепались в мутную жижу...

Он давно уже ничего не видел вокруг – только край ямы, трубы, вязкую грязь, в которую засасывало сапоги, почти бесполезный теперь отбойник и лопату, скользкую от глины. Слепую, на ощупь шарил он, перегибаясь через трубу, и (если повезет!) вытаскивал булыжник у себя из-под ног. Но рукавицы скоро намокли. Несколько секунд (минут?) стоял он, как бы что-то соображая... Потом растерянность и досаду сменила бездумная злость: лопата беспорядочно тыкалась вниз и вылетала за край... Сопел, прыгал в руках отбойник...

В семнадцать ноль-ноль компрессор замолчал. Плотный мужик в чистенькой спецовке – весь в веснушках – отключил его и ушел... Лом то входил глубоко в глину, то выбивал из камней искры. Рукавицы порвались. Прорвались и кровавые мозоли на правой руке. Но Павел не чувствовал ничего, он долбил и долбил – до остервенения, до черных мушек перед глазами.

На другой день, с утра, яма стала как будто мельче. Он спрыгнул вниз и тут же вылез обратно: вода едва не затекла в сапоги... Павел пошел вдоль цеха: рядом ковырялся Васька, за ним застрял между трубами длинный костлявый субъект... Игорьку повезло: на его участке не было труб, и он уже заканчивал, выравнивал дно. Дальше – из ямы торчал широкий зад, обтянутый черным комбинезоном; над ним то показывалась, то снова ныряла вниз оранжевая каска. У самого выхода – бачок с водой и кружка. За ним – свет. Свет!

Воздух был удивительно сухой и чистый, под ногами в трещинах сероватой корки желтели букетики мать-и-мачехи, в небе висело что-то легкое и перистое. Трещали кузнечики, за изрытой, покрытой строительным мусором и горками щебня мертвой полосой – до длинного корпуса соседнего цеха – ярко зеленела трава. Возле сваленных как попало носилок валялось помятое ведро со следами раствора. К ручке ведра он прикрутил кусок кабеля, вдохнул несколько раз поглубже и снова ступил на скользкую глину, в сырость и полумрак.

Он вычерпал воду, старался работать спокойно и быстро. Но проклятые трубы уже нельзя было перешагнуть, плечо или лопата то и дело задевали их. Пришлось согнуться в три погибели, скрючиться, упираясь спиной в трубы, трястись, дробить камень, вгрызаться в грунт и осторожно – не задеть бы, не уронить! – просовывать между труб добытые крохи.

Наконец он выбросил наверх отбойник, лопату, вылез и разогнул спину. Васька сидел на краю ямы; глаза его, и без того широко посаженные, смотрели чуть в стороны.

– Большая у тебя яма, – сказал Павел.

– Два на полтора.

– Много еще?

– Полметра до метра не хватает.

Павел не торопясь перетащил свой инструмент и шагнул в яму, всего одна труба делила ее на две части. Он подрывался долотом отбойника под камни, выбрасывал их руками. Потом доходила очередь до лопаты... По другую сторону от трубы к нему неуклюже соскочил Васька...

В Васькиной яме было легко – посмотрели бы они, как он корячился в своей! Неужели нельзя было потом эти трубы подвести? Чего проще: сначала – ямы, потом – трубы. «Скальный грунт»!.. Да и костер получился не так хорошо, как хотел. Но ведь сам Игорь его похвалил! И приняли его, приняли! Вот они, настоящие ребята! И он – свой среди своих. Но не всё они еще знают о нем. Пожалуй, главного-то они и не знают. Но... не сейчас, представится как-нибудь случай. Вот если бы...

– Павлик!.. – позвал вдруг Евгений Крокодилыч.

– Что?

– Потопил кораблик!

В голос хохотал бригадир, беззвучно хихикал Игорек, отрывисто каркал Костя, тонко скулил Коленька, Старина Хэнк сдерживался и прыскал... Даже Васька заквакал, это было обиднее всего. «Потопил»? Да нет, другое, совсем другое было слово. «И чему тут смеяться!? Павлик – кораблик, тоже мне рифма!»

– А хотите, я стихи почитаю? – спросил он неожиданно для самого себя.

5

– А! ну давай, давай; просим, просим, – ответил за всех Евгений Крокодилыч, – то-то я смотрю, «роза ветров»!

Нашли закуток у окна и примостились на рулонах рубероида. Павел отошел немного, спиной прижался к стене. «И с чего это я? зачем?» – промелькнуло и погасло: отступить было поздно, поздно было отступить... Он вдохнул – и вылил в один долгий выдох:

Не знаю я с чего начать,
да нет и подходящей темы...
Мне просто хочется писать —
писать сонеты и поэмы,
писать о пламенной любви,
о чувствах тех, что крепче стали,
что не отдашь – хоть режь, хоть рви...
Но нет любви. Да и была ли?
И не волнует больше кровь
и не тревожит больше нервы
та, позапрошлая любовь,
та, что была когда-то первой...

Перед ним в темноте только красные огоньки сигарет, его знобило...

– Удивительные стихи, – сказал наконец Евгений Крокодилыч, – удивительные! Да-с, человек пишет, сам не зная о чем. И так прямо об этом и говорит! В первый раз слышу такие стихи. Как это там у тебя? – «Мне просто хочется писать»? Кстати, «писать» хочется или «пíсать»? – Женя посмотрел прямо ему в глаза:

– Хорошие стихи, мне понравились... Нет, кроме шуток. Сейчас очень мало искренних людей. Можно сказать, их почти совсем не осталось, – и взгляд его как бы говорил: а в тебе это есть. Павел почувствовал, что краснеет; ему стало тепло, только пальцы слегка дрожали.

– Да-с, – продолжал Женя, – раньше, говорят, еще были люди, которые не боялись отвечать за свои слова. А сейчас...

– И куда ж они делись? – ерничая, перебил Игорек.

– Известно куда... – в тон ему процедил Коленька.

– А действительно, куда? – спросил сам себя Евгений Крокодилыч. – Да что далеко ходить! Взять хотя бы всех вас. Есть среди вас хоть один, кто не побоялся бы прямо сказать бабе: «Пойдем!», а? Что, нет? Я вас спрашиваю! – Бас его гулко отдавался под сводами цеха...

– Да, были люди в наше время, – прервал наступившее молчание бригадир и поднялся. – Орлы! Берите инструмент, надо ставить опалубку.

– Концерт окончен! – пошутил Игорек. – Их скульптурная группа зашевелилась и начала расползаться.

– Постойте, – сказал Костя Таллер, – я тоже хочу прочесть.

Его окружили: «О, еще один! Просим, просим...»

Костя ждал, когда все сядут, – бледное лицо с длинным хрящеватым носом, светлые, чуть навыкате, глаза, каска сдвинута на затылок, лоб высокий, узкий, острый подбородок, тонкие губы плотно сжаты – наконец щелевидный рот его раскрылся:

– Эпиграф, – начал он. – В зале «Серебряной фляги» обезумевший хозяин таверны ломал руки над мертвым телом поэта, а огни двадцати четырех свечей колыхались и плясали на длинном столе, – кадык ходил на тонкой шее, как поршень, выталкивая слова:

Курок упал, на полке порох вспыхнул,
и гроыхнул надрывно пистолет —
сквозь сизый дым, всклокоченный и рыхлый,
с пробитым сердцем уходил поэт...
Крутился дым в причудливой спирали,
теряя очертанья на лету;
и образы бесследно исчезали
в небытие, в забвенье, в пустоту...

Костя читал спокойно, без надрыва; голос его – обычно отрывистый, резкий – звучал тихо и внятно:

И грезил он: в тумане растворяясь,
Она плыла – туда, в небытие...
И, от себя все больше удаляясь,
он уходил за Ней и звал – Ее...
Он уходил... Но тело неподвижно
простерлось в чуть дымящейся крови;
и чей-то голос, тихо, еле слышно,
вдруг произнес: «Он умер от любви!»

Костя посмотрел прямо перед собой, как бы очнувшись:

– Ну как?

– Здорово! – откликнулся Игорек. – Вот бы наше «кафе» назвать «Серебряная фляга»: звучит!

Костя перевел взгляд на бригадира, длинные ресницы его дрогнули:

– А тебе?

– Не знаю. Наверно, я ничего в этом не понимаю... Вообще-то мне нравится Пушкин.

По крайней мере, просто и ясно.

«Да они же ничего, ничего не поняли!» – Павел не знал, нравятся ему эти стихи или нет. Но, может быть, Костя – именно тот, кого он так долго ищет? (Эх, а он-то хорош: «вы что, сюда загребать приехали!») Жаль, Костя не в их палате...

– Вперед, орлы! – сказал бригадир. – Завтра пойдет бетон.

6

И бетон пошел. МАЗы подъезжали один за другим. Кузов вставал на дыбы – обрушивалась вязкая серая масса, оседала «слоновья куча». Они разом набрасывались, совками раскидывали бетон между досками опалубки: «бери больше – кидай дальше!» Куда не добросить лопатой – на носилках, заливали ямы, обшитые досками. До самого дна опускали на шлангах вибраторы, похожие на снаряды. Работали самозабвенно, без перекуров: бетон застынет! Пот по спине, из-под каски – прямо в бетон. На веревках по двое тащили виброрейку, тяжелую как рельс; за ней тянулось ровное зеленоватое стекло будущего пола. А новый МАЗ уже опрокидывал кузов...

После смены добраться до столовой, восстановить растроченные калории, повалиться на койку и отключиться до утра, до подъема? – как бы не так! Нет, ты будешь лихо отплясывать – в переплетении рук и плеч – под неповторимое (всякий раз) «Попурри на вольные темы» – от сиртаки и чардаша до «Цыпленок жареный!» Ты будешь орать во всю мощь молодых легких: «Кто хорошо работает – хорошо отдыхает!» Ведь ты свободен, наконец свободен!

Свободен! – будто тебя спустили с цепи. Свободен! – от забора и до отбоя! Свободен! – и всё по колено, хотя ты и не нарушил сухой закон.

А кое-кому можно и за забором, и после отбоя... Их было двенадцать, рослых борцов среднего веса. Тринадцатый – Юра Хачатурян, маленький и верткий инструктор оперотряда, учил их приемам спецборьбы. Показательные выступления на стадионе – так и горят глаза у местных мальчишек! Такая работа: дежурство на танцах, обход территории – профилактика стычек и краж, так говорил Юра. «От чужих можно уберечься, от своих – никогда! Вы меня поняли? Да? Вы меня правильно поняли? Да? Нет, да?»

Эти обязанности (привилегии) Павел очень ценил. Но разве можно жалеть о них, когда бригада выходит в ночную смену?! Четыре прожектора освещают площадку. Самосвал, урча и приседая, поднимает кузов – течет, искрится бетон. Огромные тени мечутся по стенам, срастаясь в одну – тень многорукого Шивы... А после смены – автобус, старинные песни: «Москва златоглавая», «Я ехала домой» (Женя – бас, Витя – тенор) ... Эх, конфетки-бараночки!

В салоне не зажигали света, снаружи моросил дождь. Дымящиеся, бегущие лучи фар выхватывали в темноте разбитые колеи, кусты, опоры высоковольтной ЛЭП; светились вдалеке огни ГЭС, – они пели и чувствовали себя единым целым... А может, это только казалось?

«Да... две недели. Их надо еще прожить. Как-то надо дожить эти две недели... Нет! невозможно. Невозможно смотреть в глаза человеку, когда он видит в тебе вора. Особенно если ты честен! И она тоже завтра все узнает. Конечно. Конечно, расскажут! А впрочем, ей нет до меня никакого дела. Мы даже не познакомились по-настоящему. Хорошо, что она не знает меня. Бред!.. Спать, спать. Завтра суббота, значит, выходить на работу с утра... На работу?! Нет, невозможно... Спать!» – Но он уже смирился с тем, что заснуть ему не удастся.

Откуда это свалилось на него? С чего все началось? Что он сделал не так? или чего-то не сделал? Да где же, в чем он ошибся?! Он пытался вспомнить – все, от начала и до конца. Но вспоминалось почему-то, как они клали бетон. Как дня через три бетонный пол застывал, становился почти гладким на ощупь... Как они дробили потом этот пол – долбили штробу под трубы, которые «забыли положить»... Как с наслаждением падал он на постель и засыпал сразу, мгновенно. Как по утрам с хрустом распрямлял скрюченные, закостенелые пальцы, будто обхватившие лом, лопату или ручки носилок...

Коленька ждал его после позднего ужина у дверей палаты. Лучистые Коленькины глаза светились больше обычного, а уголки губ кривились и подрагивали:

– погоди, погоди, не ходи туда, туда нельзя, – вполголоса затараторил он, – там парень приехал, из другого отряда, и в штабе решили его на твое место положить. Он давно спит уже... А тебе наверх надо, на третий этаж. Там у девочек свободная коечка есть... – Коленька запнулся и покраснел.

Было три часа ночи. Немыслимо хотелось спать.

– Что за шутки!

– Не веришь – сам посмотри!

Он отстранил цеплявшегося за него Коленьку, открыл дверь и вошел. На его месте действительно уже лежал кто-то, накрывшись с головой, – был виден только коротко стриженный затылок. И тут погас свет.

Его место занято, занято место – хоть на пол садись! «Вот и буду здесь стоять, до утра...» Но делать нечего – он медленно побрел назад, по проходу, натываясь на спинки кроватей.

7

В коридоре не было ни души; горели две-три лампы дневного света, одна из них гудела, вспыхивала неровно. Перила и крашенные зеленой краской стены слегка покачивались, ступени

наклонялись, и нужно было балансировать, чтобы не упасть... Третий этаж. Вот и дверь. Он ни за что не откроет ее. Даже если придется провести всю оставшуюся ночь в коридоре. Даже если придется провести в этом коридоре всю оставшуюся жизнь...

– Разрешите поздравить вас с началом третьего, трудового, семестра! – Бригадир встал из-за учительского стола. – Многие из вас уже не новички, но в *нашем* отряде закончилась первая трудовая неделя. Сегодня первое воскресенье, первый выходной и... первое собрание бригады. Впереди у нас...

В класс вошла девушка и села возле доски; рукава и брюки подвернуты – не нашлось размера для ее фигурки; волосы, тщательно собранные сзади, распушились на висках; родное что-то в глазах... Откуда такое чудо? – Что-то сдвинулось и повернулось в нем, словно у времени начался новый отсчет... А как же та, та девушка? Голос – звездный, как же? – Она где-то здесь, но... как добиваться того, что и так безраздельно принадлежит тебе, только тебе? Она смотрит прямо ему в глаза – и голос... черное небо, звезды... Волосы – будто рассыпались по плечам... Как выбрать между этой и той, если она – одна?..

– Всего неделю мы работаем вместе, – продолжал бригадир, – мы уже познакомились, и у нас будет время получше узнать друг друга. Но могу сказать уже сейчас: я рад! Я рад, что в *нашей* бригаде хороший, дружный коллектив. Что именно в *нашей* бригаде – такие ребята: красивые, умные, талантливые!.. Вера – *наш соловей* (до сих пор у нее были репетиции в агитбригаде, поэтому мы ее не видели, но с завтрашнего дня она выходит на работу вместе с нами); Игорь – *наш художник*...

Павел очнулся. Она – Вероника Панкова, солистка ансамбля, «наш соловей»! Значит, конец? Ведь никогда, никогда он не подойдет к ней. Поклонники и без него найдутся. Но неужели все и кончится так, еще не начавшись? Должен, обязательно должен быть выход! Вот если бы... Так вот почему стихи... – Он с надеждой взглянул на бригадира: «Сейчас он и про меня что-нибудь скажет».

Но бригадир с этим не спешил:

– Гера – *наш гитарист*... – Вскочил мальчик-колобок со смешно торчащими вперед усиками.

– Сева – *наш пианист*, органист ансамбля... – Сева только посмотрел на свои руки и криво улыбнулся.

«Да что же он? забыл про меня, что ли!»

– Дима, Дмитрий Демин – *наш редактор*, – продолжал бригадир («Да ну же, ну!»), – он будет редактировать нашу стенную газету... – Встал высокий сутулый субъект, слегка поклонился всем корпусом, руки по швам.

– Павлик... – бригадир одарил его шерифской улыбкой («Вот сейчас, сейчас!»), – Павлик – *наш пинкертон*!

Взрыв смеха. Он смеется, они смеются, она смеется... Ах, как она смеется! Ну, теперь все ясно: знай сверчок свой шесток! Вот он и сам смеется, подчиняясь общему смеху. Ничего, он еще себя покажет, они еще посмеются! – вместе.

– Кстати, – сказал бригадир, – через месяц конкурс бригадных стенгазет. Я думаю, Игорь поможет Диме с рисунками, Коля сделает фотографии, а Костя и Павлик напишут что-нибудь...

«...Всю оставшуюся жизнь...»

Он поймал себя на том, что смотрит на ручку двери, которую держит его рука. «Надо идти (куда?), надо разжать пальцы и идти – вот так». Он двинулся по коридору. Или коридор надвинулся на него? Мимо проплыл белый прямоугольник с надписью «Штаб отряда». «В штабе решили... в штабе решили...» – крутилась заигранная пластинка. Постучаться,

войти? Но это бы сильно смахивало на донос... Ступени снова выскальзывали из-под ног. «В штабе решили его на твое место положить», – сказал Коленька. А что, если...

Вот перед ним снова белый прямоугольник. Дверь подалась – он вошел:

– Здесь есть кто-нибудь? – Шуршание, зажглась настольная лампа. Сонные лица штабных: как говорится, не ждали. – Я бы хотел лечь спать, если можно.

– Что! Что такое? Какая бригада? Ах с ночной смены!.. Как место занято?! Да никто к нам не приезжал! – Пауза. – Подожди за дверью!

Наконец один парень из штаба оделся и вышел к нему:

– Пошли, разберемся.

В палате штабной парень включил свет:

– Где твоя койка? – вперед, по проходу. – Ах, эта! – одеяло на пол. На смятой простыне – телогрейка, гитара... Почти никто не спал – только ребята из первой смены. Он перестал что-либо понимать: «Да как же?.. Да ведь своими глазами!..»

– Я видел: здесь лежал человек.

– Что! Гитару от ушей отличить не можешь, подонок!

Он словно перестал слышать и только смотрел на дергающееся в крике лицо. «От ушей»? – да нет, другое, совсем другое было слово... Но возражать не имело смысла. Главное, он никого не назвал. Завтра – завтра все образуется, все встанет на место. А теперь пусть идет как идет...

Вот потушили свет. Он кое-как разделся и лег, кровать мерно пульсировала под ним. «Разыграли, черти!.. Выбрали же время, сволочи, спать осталось всего ничего!.. Ну вот и всё...» Но это было еще не всё.

Глава 2

1

– Мужики, – раздался из темноты чей-то голос, – а Павлик-то – *сачок!*

Кто! кто это сказал? Сон сразу сошел на нет: «Да я ему!..» Кому – «ему»? – не видно же ни черта. Да и не докажешь так ничего...

Что оно, собственно, означает это словцо?

«А ты чего не работаешь?» – грубо бросил Костя Таллер. – «Так перекур же», – виновато заморгал Васька. – «Кто не курит, тот сачкует!» – назидательно изрек Костя. – Всерьез? В шутку? Только перекуров с тех пор для Васьки не было. И он выматывался вдрызг. Как-то, проходя по цеху, Павел увидел его спящим в одном из закутков, на стопке шлакоблоков. Васька спал, подогнув ноги, «ручки под щечку», причмокивая губами во сне.

Смеялись над ним, в общем-то, не злобно... Закончили первый прогон пола – Костя сказал, надо «знак качества» поставить; он говорил, есть такой обычай – посадить на жидкий бетон девочку: девочки визжат, упираются, но их весело тащат и сажают, где-нибудь в уголке, чтобы не портить работу. Павел весь подобрался: Костя не мигая смотрел на Веру.

Вера положила мастерок и выпрямилась. Сняла рукавицы, поправила шерстяной шарфик и посмотрела... – Ах, как она посмотрела! – Взгляд Кости скользнул вбок, зацепился за Ваську, тот растерянно заморгал. Секунда – и четверо подхватили его, понесли, враскорячку...

Васька – сачок! Да нет, конечно. Смеялись над ним... Но – темный огонь в зрачках, когда надрывалось его нескладное тельце. Не оттого ли, перемахнув в развороте, он саданул однажды ломом в сапог...

Вторым был Дёма. Держался он странно, что и говорить, но работал как мог – с его-то ростом – под трубами, в яме!..

Слово-пощечина. Слово-плевок в лицо. А значит оно, что делят в бригаде всё на всех – а ты, подлец, сачкуешь, на чужих костях выезжаешь! И вот теперь...

– Мужики, а Павлик-то – сачок! – это был голос Кости Таллера. И вызов надо было принять.

– Ты это сам придумал? Или подсказал кто-нибудь?

– Да это все знают.

– И что же «все знают», можно узнать?

– Да то. Что ты на работе не выкладываешься. – Таллер говорил чуть растягивая слова, спокойно и нагло.

– Откуда ты это взял?! – «Фактов у него нет, сплошной блеф. Их нет, этих фактов. Потому, что не может быть. Хотя... Неужели все дело в том злосчастном стишке для газеты?!»

Дёма сидел, положив локти на стол, в узловатых пальцах вертел карандаш.

– Так, – он постучал карандашом по крышке стола, – какие у нас есть материалы для газеты?

– Стихи, у меня и у Кости.

– Так. Начнем, пожалуй... с тебя. Прошу! – Дёма указал на стул по другую сторону стола и взял листок: – Так...

Работа, работа, работа! —

где-то в печенках стучит.

А сердце так жаждет компота

и страстно о каше грустит...

– Так. Налицо явная нелепость: сердце не может жаждать компота. Это функция желудка. *Сердце следует заменить на желудок*, – он сделал пометку карандашом. – *Желудок* так жаждет компота и страстно о каше грустит. Так, это пойдет...

– Но в этом вся соль, – попытался объяснить Павел.

– Ирония, – подсказал кто-то.

– Так. Повторяю: сердце следует заменить на желудок. У тебя, видимо, пока не развито чувство слова, я бы сказал, поэтический слух. Но это поправимо. – Дёма с тоской посмотрел на него. Дёма... Косая, невнятного оттенка челка, небольшой лоб, крупный, несуразный нос, бугристые щеки и подбородок – все в белых головках и черных точках угрей... «Да кто ты, собственно, такой, Дёма? Сам-то ты можешь что-нибудь написать?»

– И откуда ты все знаешь?! – не выдержал Павел.

– Что вы едите, что вы такие умные? – опять вставил кто-то.

– Видишь ли, – Дёма снисходительно улыбнулся, – я являюсь членом лито.

– Членом чего??

– Я являюсь членом лито, – с достоинством повторил Дёма, – членом литературного объединения при институтской многотиражной газете. В ней опубликовано несколько моих заметок. И руководитель лито хвалил мои стихи.

– И этот пишет! Прямо не бригада, а!.. Дай-ка сюда, – листок забрала рука Евгения Крокодилыча. – Продолжим, – он поерзал взглядом по строчкам и торжественно начал читать:

Грохочет в руках пневмомолот,
сейчас я умру, может быть.
А сердце тоскует: я молод!
Я молод, мне хочется жить!

Слипается взмыленный волос,
с лопатой немеет рука,
и даже свой собственный голос
доносится издалека...

– Не вижу никакой иронии, – сказал Евгений Крокодилыч, оглядывая всех. – Написано всё как есть. Суровая действительность, да-с. И тот, кто не сидел в яме, не кидал бетон, пусть первым бросит в меня... – нет, вот в него! – камень. Требую оставить всё как есть.

– Так. Вы мне мешаете работать, – нахохлился Дёма. – Отдайте текст!

– Пожалуйста! – бумажка полетела на стол.

– Так. Следующий, – он взял у Кости листок, углубился в «текст», сводя и разводя брови и почесывая карандашом за ухом.

– М-да... – произнес он наконец, – мм-да! Здесь, по-видимому, нарушена *константность экспрессии*. Например, не вполне ясно, что означает строка «Я потом что непонятно объясню», – он почесал за ухом. – Все же необходимо отметить, что это несколько лучше, чем произведение предыдущего автора, хотя первое и ближе нам по теме...

«Да что ж там написал Костя?!»

А Женя читал из-за Дёминой спины.

– Это Окуджава, – сказал он. – «Живописцы, окуните ваши кисти...» Это песня Окуджавы.

– Костя, как же так? – вскочил Павел. – Скажи, ведь это твои стихи, Костя! (Костя побледнел.) Скажи, это твои стихи?!

Костя пожал плечами:

– А я и не говорил, что мои.

– Так. Мы будем снимать кино, или мы не будем снимать кино? Мы будем делать газету, или мы не будем делать газету? – Дёма постучал карандашом по столу. – Где у нас фотографии?
– У меня рука болит, – сказал Игорек.
– Нет фотографий! – жестко ответил Коленька. – Я пленку засветил.

Пауза затягивалась... «Откуда ты это взял?» – Простой, в сущности, вопрос. Элементарный. – Заранее не подготовился? Или передумал на ходу? Ну что ж, пусть напомним про стихок!..

– Так откуда ты это взял? – повторил Павел.

– Мне сил хватает только до койки после смены доползти, а ты... – бодро начал отвечать Таллер, но снова запнулся.

– Что? – Что он хочет сказать? Дежурства после отбоя? Так ведь это – дежурства, тут и говорить нечего. Да и врет, врет... Ни разу ведь танцев не пропустил...

– ...А ты можешь еще за всей бригадой лопаты унести!

Это была правда. Силушка в жилушках играла. Сперва вскидывал на каждое плечо за черенки по три-четыре совка, потом научился – по десять-двенадцать. Ну и пару ломов в придачу... Аттракцион, впервые на манеже! Лопаты унести... Вот тебе раз! Но ведь глупо же!.. Ну и что из того?

– Не пойму, ты больше меня работаешь, да?

– Нет, не больше. Но ты знаешь наш принцип? *От каждого – по способностям.* Вот так-то!

И это снова была правда. При одинаковом росте, сравнивать их просто смешно. Да и принцип-то ведь – *наш!* Павел не мог постичь простого, как скоросшиватель, приспособления, с помощью которого множество маленьких правд складывается в одну большую и толстую ложь... Но – ложь, ложь! Что-то захлестнуло, ударило его по горлу.

– Да ты, ты!.. Знаешь ты кто?! – захрипел он. «Неужели никто, никто ничего не скажет? Неужели никто?!» – Да что же вы все молчите!!

– Дайте спать! – промычал с другого конца палаты Коленька.

– Кончай базар! – поддержал его Игорек.

«И за что, за что, за что они так со мной? Что я им сделал? ну что?» – свербила, саднила, повторялась в разных вариантах одна и та же мысль, возникал и ждал ответа один и тот же вопрос...

2

Было тихо, пожалуй, даже слишком тихо.

– Игорь, – шепотом позвал он, – как же так, Игорь? В чем я виноват?

Тишина.

Зачем он пошел тогда с ними? – Что за вопрос! Свои: позвали – пошел... На терраске Евгений Крокодилыч развлекал светской беседой смешливую полную Валу, в саду Игорь с Ниной собирали малину – возня, визг, а потом стихло. В комнате напротив него сидело странное существо в мини-юбке – как ее звали? Ноги во вьетнамках, в земле, в черной грязи. Волосы, ресницы и большие выпуклые глаза – без всякого цвета. «Красотка!» Он время от времени вынимал спелую темную ягоду из граненого стакана, и она таяла во рту – без запаха и вкуса.

– Вы сюда малину пришли есть? – услышал он вдруг. И вспыхнул: «Уж не думает ли она!..» А в самом деле, что он тут делает? Он повертел в руках стакан, потом поставил его на стол и вышел...

«Двадцать один, двадцать два, двадцать три», – в матово-красном свете Игорь бросил розоватый прямоугольник в ванночку, расправил пинцетом. Снимок понемногу начал проступать...

... Там, где причалил катер, сразу начиналась тайга. Игорь и Павлик несли три больших котла, вложенных один в другой. Впереди них по трапу спускался Коленька.

– Ну, сегодня поснимаем, – радостно сообщил он. – Солнышко-то как разыгралось!

– Здесь и загореть можно, не то что в нашем цеху, – улыбнулся Игорек. – А пленки хватит?

– Хватит, я новую зарядил.

Они немного отстали от остальных, на небольшой проплешине перед подъемом на сопку поставили котлы на траву. Игорь снял рубашку: «Жарко!» Коленька поставил их против солнца, присел, стал наводить резкость: «Внимание, первый кадр!..»

... На снимке был один Павлик. Рядом с ним – сплошное светлое пятно. «Может, проявитель слабый?» – Игорь повторил экспозицию, на этот раз – до двадцати шести: на бумаге – он и Павлик, в обнимку. – «Сам же, идиот, настоял!.. Ну и торс!» – Нет, правильные черты лица, пепельные волосы волной, грудные мышцы – всё на месте. Но торс! Разве это торс? Разве это руки? – Канаты какие-то, а не руки! А пропорции?! А взгляд! – Особенно по сравнению с... «Нинке такое не покажешь!»

– Зараза! – он мелко покροшил мокрые карточки в корзину.

– Игорь, – снова послышалось рядом, – я знаю, что ты не спишь!..

«Не отвяжется ведь, зараза! Мало ему...»

– Чего тебе?

– Как же так, Игорь?!

– А вот так! – сказал Игорь. Потом прошипел в самое ухо: – Знать бы, где упасть, – соломки бы подстелил.

«Да что же это, сговорились они, что ли!» В горле стало вдруг щекотать, будто перышком. Начался сухой бесконечный кашель.

3

«Что я им сделал? ну что?» И Женя почему-то молчал. Ни слова. Хотя не мог он молчать, не мог! За него или против – но сказал бы что-нибудь, обязательно бы сказал. Но – ни звука... Как-то после смены, глядя на ладную его фигуру, на округлые, налитые работой мышцы, на покрытое цементной пылью лицо, Женя тихо пророкотал – почти с нежностью: «Павлик, борец...» А однажды сказал, что таких как он надо уничтожать...

Август отличался от июля, как зима от лета. И дело было не в погоде: в цеху она всегда одна и та же. Первого августа у бригадира с утра раскалывалась голова: вчера закрывали наряды. Он сжимал ладонями виски, тер глаза, сверху вниз проводил по бледному отекающему лицу, матерился – одними губами.

– Что он там бормочет, – спрашивал Костя.

– Я не буду больше пить, буду денежки копить! – шутил Мишка, ослабившись отросшей бородкой, посверкивая щелочками глаз.

Но бригадиру было не до шуток. Стало ясно, что денежек будет как раз мало, на всех не хватит: в свои двадцать семь пережить прораба ему не удалось. Да и какому студенту это под силу! Одно и то же во всех бригадах – у одних чуть больше, у других чуть меньше. В их бригаде хуже всех. Мужик крепкий попался: подливает и свое гнет. Земляные работы – копейки, бетона мало. Закрыли по рупь двадцать час. Ночные – это с ломками-то! – плюс сорок копеек. А надо

еще штаб кормить – и свой, и областной, и черт знает какой. И не за два месяца – за полгода им отвалить, за весь сезон. И больше двух кусков ему, хоть тресни, не взять. А это значит: плакал его «Москвич» горькими слезами... Командир, босс профкома, посмотрел на него как на маленького, спросил, не трудно ли – в бригадирах... С того дня появился в глазах бригадира холодный сухой блеск.

– И чего вы так волнуетесь, – удивлялся Павел, – ну меньше получим, больше – какая разница! Главное, в бригаде делится всё на всех, никто не в обиде. – Он подстелил рукавицы и сел на опалубку.

– Всё на всех? – переспросил Женя. – А вот мы у бригадира спросим. Это так, бригадир?

– *В принципе* – так, – нехотя согласился тот. – Но зарплата будет зависеть также от *качества* выполняемых работ. – Вспомнился разговор с командиром. «Норма питания теперь пятьдесят девять копеек в день – не забыть принять на собрании».

– Вот! Слышали? А кто это качество будет определять?

– А качество у нас только отличное! – отчеканил Игорек.

– Конечно, – поддержал его Павел, – о чем тут говорить!

– Здесь не все так просто... – Женя встал. – А вот мы щас у народа спросим. Народ! Кому деньги не нужны? – (Бригадир насторожился: разговор принимал нежелательный оборот.) – Ну, что молчите? Витя! – (Витя промолчал, как всегда.) – Костя, – ты!

– Мне? – Костя посмотрел на бригадира. – Лично мне? – Тот еле заметно кивнул. – Лично мне? Нужны.

– Вот! Мишка!

– Еще ка-ак! Мы с братом на двоих дом строим. Один шифер...

– Васька! – (Васька молчал.) – Васька, ну!

Васька встал, бледный, – как на расстрел, потемнел лицом:

– Мне... мне маме надо помочь... – глаза его влажно заблестели. Всем стало неловко...

Бригадир облегченно вздохнул.

– Павлик, а ты, небось, один у мамы с папой? – спросил Женя.

– Почему, еще Петька есть, он сейчас в лагере.

– В каком лагере?

– В пионерском... Какие еще лагерь бывают?

– Лагерь-то какие бывают?.. В этом году своеобразный юбилей: семьдесят третий – тридцать седьмой. Ты знаешь что-нибудь о тридцать седьмом?

– А что в тридцать седьмом?

– Ты о Двдцатом съезде что-нибудь слышал?

– Последний экзамен – «История КПСС». Только он не в тридцать седьмом...

– Правильно, в пятьдесят шестом. Там речь шла о культе личности.

– Так то на Двдцать втором...

– Нет, началось на Двдцатом. Ну, ладно. Ты, кажется, литературой интересуешься. Вот тебе вопрос, из области литературы. Известно тебе такое имя – Солженицын?

– Нет... А кто это?

– Писатель, русский писатель.

– Ну, кто же всех писателей знает!

– Это не «все»... Ну, о Гумилеве я тебя не спрашиваю, вопрос попроще: Ахматова.

– Кто это?

– Поэт.

– Может, Ахмадулина?

– Нет, Ахматова...

– Странно... Вознесенского – знаю, Евтушенко... А давно она жила?

– Нет. Она умерла недавно. В шестьдесят шестом.

- Недавно? Да я тогда в третий класс ходил!
- А Пастернак?
- Пастернак? Это уже что-то из области ботаники?

Что-то было еще... «из области литературы».

– Павлик, а кто твой любимый поэт? Маяковский! – точно?

– Почему?.. Есенин, Блок...

– Вот как? Не ожидал... А как ты понимаешь социалистический реализм? Реализм ли это на самом деле, а? Ведь есть там такой пунктик: *революционный романтизм*. Как же это совместить?

– Как совместить?.. В жизни много всякого... Наверно, и грязи много. А если писатель хочет, чтобы жизнь была хоть чуть-чуть лучше, он – как романтик – немного выдает желаемое за действительное. Чтобы людей, которые всей грязи не знают, воспитать на этом примере. Тогда и жизнь лучше будет... Знаешь, я на охоте никогда не был, но слышал: когда бьют птицу влет, стреляют, как говорят, с упреждением...

– Значит, ты признаешь, что такой писатель жизнь приукрашивает, да? То есть, попросту говоря, врет! Но где же тут мера? Ведь так недолго и вовсе оторваться от действительности. Какой же это, к чертовой матери, реализм?

– Мера?.. Так в том и мера, чтобы в птицу попасть: пере-упредишь – промахнешься! Но если прямо целить – тут промахнешься обязательно.

– Ловко! И на все-то у тебя ответ есть...

– А вот, по Марксу, *бытие определяет сознание*, – вдруг заговорил Витя. – Ты что, не согласен?

– Да, по Марксу! – принял поддержку Женя.

«Действительно, не мог же Маркс ошибаться! А впрочем...»

– По Марксу... Ну, это, так сказать, в общем... У меня *сознание определяет бытие*.

О чем они только не говорили! Женя как будто всегда старался его на чем-то подловить... Как в детстве: «Ты за кого: за луну или за солнце?» – «За солнце!» – «За пузатого японца!» – «За луну!» – «За Советскую страну!»...

– Павлик, а почему тебя Павликом называли? – Женя оперся на лопату и добродушно смотрел из-под козырька каски. – В честь Павла Власова? или в честь пионера-героя?

– В честь Корчагина, – не сморгнув ответил Павел; очень хотелось, чтобы это была правда.

– Вот как? И ты действительно веришь, что *все блага польются потоком*? что к восьмидесятому у нас будет коммунизм?

– Ну, теперь об этом уже никто не говорит.

– Но в принципе – да?

– В принципе – да, – убежденно ответил Павел.

– И все же, выходит, что нас обманули?

– Знаешь... У Бальзака есть такой рассказ. Там проводник ведет офицера через пустыню. Они идут долго. И вот, когда офицер уже выбился из сил, проводник говорит: «Мы придем завтра». И они идут. Но завтра – пустыня. Офицер взбешен. Кончаются запасы воды. Но проводник говорит: «Мы придем завтра». И так еще две недели – в пустыне! Офицер его чуть не убил. Но они дошли! А теперь скажи, обманул проводник или нет?

– А идем ли мы на самом деле *туда*? Ты действительно считаешь, что *жить стало лучше, жить стало веселее*?

– Кто это сказал? Что-то знакомое...

– Вот-вот, у нас всегда спрашивают не «правда ли это?», а всенепременно – «кто это сказал?» Но я *тебя* спрашиваю, твое мнение.

– Веселей? Не знаю... Правда, за анекдоты теперь не сажают. Лучше? Знаешь, когда я родился, мы жили в бараке, в маленькой комнатке – я этого почти не помню. Потом – комната, в общей квартире. Потом – две комнаты, в отдельной, в пятиэтажке. Думаю, это лучше... чем в бараке.

– Пожалуй. Но так ли живут в передовых странах?!

– В передовых? Я привык считать нашу страну самой передовой. Но мы столько лет воевали...

– Старая песня, замнем. Ты мне вот что скажи. Народ пьет. В стране демонстрации, забастовки. Генеральный секретарь – фактически глава государства – вешает себе звезду за звездой! Это тебе – как?!

– У каждого свои слабости. Ну, любит Леонид Ильич награды – кому это мешает? Да кто об этом *потом* вспомнит?.. Народ, говоришь? А мы – не народ? У нас – сухой закон. Демонстрации? забастовки? – откуда такие сведения? Я ничего об этом не знаю...

– Конечно, в газетах об этом не пишут, по радио не говорят.

– Вот газеты я читать не могу. И радио слушать. Мне «проводники» не нужны. И награды, кстати, тоже! Я буду работать. Мы все будем работать, строить. Да мы и сейчас строим! И мы построим – пусть не сейчас, не скоро... Опять «старая песня»?

– Хорошо. Но должно же быть еще что-то, кроме работы? Есть же у тебя какие-то материальные потребности – для себя – именно сегодня, сейчас?

– А ты что, тоже считаешь, что «сердце надо заменить на желудок»? *Для себя* у меня есть потребность в совершенствовании собственной личности. То есть в уменьшении материальных потребностей.

– Вон ты куда... Совершенство! Совершенство в том, чтобы опилки жрать! Жаль, пока не научились... Но к этому идет. Да пока существуют такие как ты, у нас никогда не будет подлинной демократии! Но они обречены. Они должны исчезнуть. И чем скорее, тем лучше!

– По-твоему, у нас нет демократии?

– О чем ты говоришь! Может, ты и в партию вступишь?

– А что? и вступлю! Постой... А ты – комсомолец?

– Комсомолец.

– С такими взглядами?

– Ну, иди, *стучи*!

– Ну вот и пойду! Обед уже все равно кончился. – Павел отошел, поднял отбойник. Зло, со всей силы нажал – отбойник затарахтел, из штробы полетел щебень. – Вот и буду «стучать»!

4

Отбойник надрывался, из-под острого клина вылетали камешки, колючие брызги цемента. В работе он немного успокоился, прошел уже метр штробы...

– Павлик, извини... – Рядом стоял Женя. – Я не думал, что ты поймешь так буквально... в таком смысле.

– А в каком смысле? в переносном? – Павел остановился. – Не понимаю... Это в тюрьме, кажется, стучат в стенку?

– Дурачок, в тюрьме не стучат, а перестукиваются. Даже анекдот такой есть...

– Я не люблю анекдотов, – в голосе еще чувствовалась обида, он хотел бы скрыть это. (Да и Женя пришел – сам!) – Кстати, о смысле слов, – сказал он мягче, – я знаю, что не только пионерские лагеря бывают...

– Вот! Давно подозревал, что ты придуливаешься.

– Я не придуливаюсь. Мой отец был в концлагере. В Германии.

- Что?.. Но этого не может быть!
- То есть... Но почему?!
- Его бы судили. Как изменника родины. А это расстрел.
- Он не изменник! Он был контужен, обе ноги прострелены. Он служил перед самой войной, в Белоруссии...
- Все равно. По тем понятиям он должен был застрелиться.
- Они были тогда на маневрах – ни одного боевого патрона...
- Все равно. После войны всех интернированных отправили в Союз, в лагеря. Он там был?
- Нет. Их освободили, кажется, американцы. В сорок четвертом. Да он потом воевал, до Берлина дошел. После войны еще служил там три года... Да у него медаль «За отвагу», орден Красной звезды!
- Все равно. Никто бы не стал разбираться. Хотя... три года спустя... Нет, в сорок девятом его должны были посадить.
- Как видишь, разобрались!.. Правда, на свой завод он потом устроиться не смог...
- Ему повезло. Просто невероятно повезло!
- Повезло?! Три года концлагеря, два побега! – неудачных. Это по-твоему – повезло?!
- Два побега?! И он остался жив? Да если б это было у нас... Ну, не сердись... Погоди, а как же ты в институт поступил, с такой анкетой?
- В анкете я ничего не написал. Это же недоразумение: мой отец честный человек, фронтовик. А анкета должна быть чистой.
- Но ведь это – подлог!
- Подлог?! Ах ты!.. – «Извиняться пришел!» У него стало темно в глазах. – Ну иди, стучи! – Павел изо всех сил нажал на отбойник.

Да... Женя промолчал. Ни звука! Презрительное молчание. Это хуже всего. Никто его не пожалел. А он сам кого-нибудь жалел? Ваську жалел, никогда над ним не смеялся. Но и не вступился ни разу. Васька сейчас в Москве. Раздробил стопу. Только стопу... На минуту он даже позавидовал Ваське, но сразу одернул себя: «Не ныть!»

А Дёму не было жалко. Ничуть.

Бригадир поставил их вдвоем разбросать кучу гравия возле цеха – может, нарочно? День был солнечный, воздух свежий – вот это жизнь! Павел начал работать, Дёма стоял, прижимая к груди черенок лопаты.

- Подожди, – начал он, – нам надо поговорить...
- Поговорить? О чем! – Павел продолжал копать.
- Подожди, ты единственный человек здесь, с кем я еще могу поддерживать отношения. Речь пойдет о газете...
- «Опять, опять эта газета! – Павла передернуло. – То редактора из себя корчит, то поговорить надо!»
- Да тут, вроде, все ясно, – энергичный взмах.
- Подожди, ничего не ясно. Вернее, ясно, что никто ее не будет делать, кроме нас, нас двоих.
- Что! Ты хотел сказать, кроме тебя? – «Тоже мне, в товарищи набивается! Как говорит Игорек, гусь свинье не товарищ!»
- Подожди, послушай меня. Ты сам можешь оказаться в таком положении. И может быть, очень скоро. И если сейчас ты не подашь мне руку помощи...
- Хорошо. – Павел перестал копать. «О помощи просит. Послушаем!» – Чего ты хочешь?

– Послушай, – Дёма оживился, – ты же пишущий человек! Дадим твои стихи в номер. Понимаешь, я не умею рисовать... Не умею. А ты... немного, но владеешь кистью. Я видел твой «Костер». Для тебя это будет не сложно... – Близко-близко открывается рот: коричневый налет на зубах, слюна в уголках губ...

– А ты? Что будешь делать ты?

– Я? То есть как!.. – слюна на губах закипела. – Я редактор!

– Извини, Дима, мне работать надо: до перекура еще далеко.

Да он и теперь бы ему то же самое сказал!

Дёму он не пожалел... И Дёма ему отомстил.

5

– ...Газета?! – Дёма отразил холодный взгляд бригадира, сидевшего на спинке кровати. – В такой обстановке невозможно работать! Я снимаю с себя все полномочия. Вот вам новый редактор! – Он протянул кривой узловатый палец: – Вот *он* теперь отвечает за все!

«Вот это номер!» – Павел хотел было возразить, но промолчал.

– Да, ты, именно ты!! – Дёма наставил палец ему в грудь. – Это ты развалил работу!

– Я?! – Павел вытер попавшие в лицо брызги. – Что ты несешь!

«Спокойно. Ну кто примет это всерьез? Это же Дёма!»

Но бригадир холодно взглянул на него:

– За газету теперь отвечаешь ты. Вопросы есть? Вопросов нет!

Да... Дёма передал ему эстафету – свой дурацкий колпак. С кем теперь делать эту газету? Никогда он не был в таком дурацком положении, никогда! Никогда? А так ли? Неужели совсем никогда? В больнице над ним смеялась вся палата. Особенно старшие, лет по четырнадцать... А он говорил им правду. Это не могло быть неправдой, ведь мама так сказала. А она медик! работает медсестрой. И она – женщина. Кому же знать, как не ей?! Когда женщина хочет иметь ребенка, она принимает специальные таблетки. Таблетки – ну что тут смешного!

Тогда ему было двенадцать... Но теперь он стал совсем другим человеком! И теперь у него есть Лена...

Ему завязали глаза, двое взяли под руки, повели. Сначала – *огонь*: его продымили над костром. Потом – *вода*: «Ложись!» – он лег. – «Ползи!» – Он пополз, воды хватало, глины тоже... Сверху держали что-то (носилки?). Потом – *трубы*: связали руки за спиной, согнули: «Иди!» – Били по трубе ломом, она гулко отзывалась. Потом – *причастие*: «Пей!» – он выпил. Нестерпимо горько-соленая «кровь». «Ешь!» – ложка во рту – мука?.. «На колени!» – надавили на плечи. – «На колени!» – «Целуй!» – сухими, облепленными мукой губами он догадался: лопата... «Ничтожный раб! Посвящаем тебя в строители! Отныне твой герб – лом и лопата! Так будь же одним из нас, равным среди равных!» – (А он-то уже считал себя равным!) – Удар по спине, плашмя. «Встань! Развяжите его!»

Так начался День строителя. Он должен был подчиняться чужой воле, «ничтожный раб»! Но Веры не было там. Ее там не было! А без нее – это только обычай, обряд. Со стороны, наверно, смешно... И прошла этот позор треть бригады...

А вечером – танцы на городской площади. На эстакаде кинотеатра играл ансамбль, надрывались колонки. Вера должна быть здесь. Он только посмотрит на нее, из толпы. Вот так, постоит и посмотрит... Да вот она! – что-то шепнула Севе, пошла вниз по широким ступеням. Сева взял несколько аккордов – «История любви».

И – нет, этого не может быть! – она смотрит только на него: «Это ты?» – «Я... А это – ты? – ко мне?!» – «Должен кто-нибудь сделать первый шаг – я иду...»

Осталось три ступени, две... «Она – солистка ансамбля... Какая ерунда! Никто не виноват... Это судьба».

– Разрешите вас пригласить! – первым подбежал Костя, за ним Коленька. За ним Славик из соседней бригады...

«Она не заметит их, просто не заметит!» Но... Она остановилась! Она – медлит? Ей приятно... Она улыбнулась? – «Ну, нет! В очередь я не встану».

6

Да что он возомнил о себе! Пока он ползал в луже, ее записывали на телевидении – прислали автобус... Ничтожный раб, раб! – Кто? Он, который владел Вселенной?! Девчонок на его век хватит, вон их сколько! Вот они – стоят рядком, ждут, когда пригласят. Но... Что за черт! Все они – все до одной, но каждая по-своему, уродливо, карикатурно, – были похожи на Веру.

Все – кроме одной.

Эту одну он и выбрал: «Можно вас...» – Она пошла...

Лицом – в прохладный лен волос:

– Как тебя зовут?

– Лена...

Потом они бродили по набережной, долго сидели на детской площадке – она села к нему на колени. Падали звезды. Он проводил ее («Дальше не надо, я сама»), возвращался пустыми, незнакомыми лицами...

– ...Да вы, вы! – Юра был вне себя. – Мне, вы слышите? мне – жалуются! – на вас! Штабные ловят моих людей! – Ну прямо копия де Тревиля, распекавшего мушкетеров после неудачной стычки с гвардейцами кардинала. – Отбой и так сдвинули до двадцати четырех – вы пришли... Что? В два! Что? Какой «обход»? не надо ля-ля! Кого вы пытаетесь обмануть? Ты – во сколько пришел?.. Ты?.. Ты?

– В три, – сказал Павел.

– Кто тебя видел?

– Никто.

– Точно?

– Возле ворот никого не было. Но там фонарь, на всякий случай – через забор...

– Молодец! – Юра круто сменил гнев на милость (утерли нос штабным!). – Вот как надо! Вы меня поняли? Вы меня правильно поняли? Да? Да?.. Нет, да?.. Все свободны. Разойдись!

Лена! Как же он забыл о ней? Ведь она единственный человек здесь, кому он еще может смотреть в глаза... Он никак не мог согреться, до подбородка натягивал тонкое, застиранное одеяло, ворочался с боку на бок, пытаясь подавить кашель – напрасно... Понемногу начали проступать потолок и стены, черные спинки кроватей. «Спят... Все спят». Вот и Мишка спит, рядом, через тумбочку, свернулся калачиком. Только затылок виден из-под одеяла... «Оброс, ежик. А, так вот кто был тот заморский гость! Значит, и он... Кто еще?» Он вспомнил: постель была смята, Мишки на месте не было. «Теперь ясно... Так, а Таллер лег на место Васьки...» – он приподнялся: пусто! Уж не приснилось ли... Стало немного светлее. Нет, Таллер мирно спал – на месте Жени. «Так вот почему молчал Женя: его здесь нет...»

Горячие наплывы лиц, обрывки фраз носились в предрассветном тумане, собирались на лбу и скапливались за глазами. Он хотел бы поплакать, но не мог. «В чем-то я неправ... Но в чем?..» Странно, но именно эта мысль встала во главе стаи, потянула остальные к себе и начала – сначала тяжело и вяло, а потом все быстрее и легче – вращаться, увлекая их за собой, набирая и набирая темп...

Глава 3

1

Павел сидел на краю траншеи и тянул кусок «макаронины» – дым застревал в горле, крупинки табака липли на язык. «В общем, все довольно скверно... Голова пустая, звенит. Руки не слушаются». Он чувствовал себя отверженным, вычеркнутым из списка, злился, передразнивал себя: «Что это вы со мной сделали! Тоже мне, княгиня Болконская. Тьфу! Потухла...» Он достал коробок, чиркнул спичкой...

Все против него. Все! Выбрали момент... Юра говорил, надо быть постоянно готовым к борьбе: можно в совершенстве знать приемы, но не суметь их применить. В нужный момент. Он не сумел. Да что приемы! Он любого из них мог размазать по стенке – что этим докажешь! «А Вера? – может, и она с ними?!» Спичка обожгла пальцы.

«Стоп! Не сходи с ума». Разыграно как по нотам. Но многое могло произойти случайно. Он пошел в штаб – этого никто предвидеть не мог. Стало быть, он им сам подыграл... Возможно, не только в этом. Но чем-то он кому-то здорово досадил. Надо узнать – чем, и кому...

Рядом сел Женя, не торопясь достал мыльницу, открыл: – На, кури. У меня сухие.

Павел не повернул головы. Женя взял сигарету, постучал о край мыльницы, закурил.

– Ну что, Павлик, потонул твой кораблик?

– Сам знаешь.

– Да уж слышан, слышан... – Женя улыбнулся.

– Ты где спал-то? Или тебя тоже на третий этаж послали?

– Нет. Таллер предложил поменяться...

– Когда?

– После ужина. Расследование ведешь?

– Да, хочу заняться этим делом... – попытался сказать он как можно небрежней, но голос сорвался. – И ты ни о чем не догадывался?

– Догадывался, не догадывался! – какая разница?

– Хорошо, давай прямо: ты с ними заодно?

– Ты хочешь спросить, не враг ли я тебе? – Женя затаился, выпустил дым. – Нет. Иначе я бы здесь сейчас не сидел.

– Не враг? А не ты ли говорил, что таких как я надо уничтожать?

– Ах вот ты о чем... Ты просто меня неправильно понял. Я не имел в виду конкретно тебя... Зачем же «уничтожать»? Вы вымрете сами...

– Вот как! Это интересно. – Павел поднялся и встал на другом краю траншеи. – Нельзя ли поподробней?

– Отчего же... Раньше для них было одно место – лагерь. Для большинства – это смерть. Для них – верная смерть.

– В лагерь? Меня?! Женя, извини, мне сейчас не до шуток. А ты, кажется, заикнулся на этой теме. Конечно, я знаю, что лагеря, видимо, существуют и сейчас. И «детские колонии» – меня этим пугали в детстве, – и приводы в милицию. Но в милицию-то меня не приводили!

– Тогда было другое время...

– А сейчас – другое. Так почему это я должен «вымирать»?!

– А потому. Если такому как ты не свернут шею, в чем я лично не уверен (а это можно сделать не только в прямом смысле), то он все равно не оставит потомства...

– Что?!

– Да. Женщина хочет иметь дом, семью, чтобы муж получал побольше... А ты? Ведь тебе «ничего не надо»! Вот окончишь ты институт (окончишь, я в этом не сомневаюсь) – и кто ты есть? инженер? Да этих *инженеров* – пруд пруди! На что вы будете жить, на зарплату?

И в коллективе надо уметь себя поставить, и начальству надо лизать и лизать... А ведь ты не будешь лизать!

– Нет, не буду.

– Нет? Хотя... О чем это вы так мило шептались с бригадиром? На стадионе.

– Он хотел узнать, чем отличается кун-фу от карате...

– Вот как? Я так и думал, что-то в этом роде... Ну вот, поженитесь... Да она от тебя сбежит!

– Значит, мне нужна *другая* женщина.

– «Других» не бывает... – Женя отшвырнул окурок.

Павел устал от этого беспредметного разговора. И откуда они все всё знают? – только он ничего не знает! Каждое слово – толчком в висках. «Да, ты выпался, Женя. Тебе легко рассуждать!»

– Хорошо. Такие как я будут вымирать. А такие как ты, Женя, будут на это спокойно смотреть! Или просто – отвернутся.

– Постой, здесь не все так просто... – Женя посмотрел ему прямо в глаза. – Я это сделал для тебя.

– Для меня? Ну спасибо!

– Подожди. После того, что с тобой произошло, ты по-прежнему считаешь, что *нет дыма без огня*?

– Ах вот ты о чем... Я и тогда тебе сказал: вероятно, были такие, кто пострадал невинно. Их же потом реабилитировали! Честно говоря, твой рассказ... Это слишком чудовищно, чтобы быть правдой. Столько погибло у нас за всю войну! Да неужели сажали просто так, за здорово живешь?! Взять хотя бы мой случай. Честно говоря, я пока не знаю, в чем виноват. Да и виноватым себя не считаю. Но ведь было же, есть во мне что-то, почему это случилось именно со мной!

– Вот! А я о чем говорю? Рано или поздно, это случилось бы все равно. Теперь ты будешь думать и многое поймешь.

– За одного битого двух небитых дают?

– Можно сказать и так.

– Так ты бы хотел, чтобы я думал? или чтобы я думал так, как ты бы хотел? Ты хочешь, чтобы я признал, что с человеком можно сделать все что угодно! Чтобы я боялся – так же, как и ты. Теперь послушай, что я тебе скажу. Я приехал сюда работать. И я работал честно – кто бы что бы обо мне ни говорил. И я буду работать, несмотря ни на что. Но я чувствую, что с прежним подъемом работать уже не смогу. То есть объективно Таллер нанес стройке реальный вред. И ты помог ему, слышишь! Ему ты помог, а не мне.

– Ничего ты пока не понял... Таллер – сволочь. Но будущее не за такими, как ты, а за такими, как он. Вся твоя история – вроде прививки. По сравнению с тем, что было *там* – не больнее комариного укуса. Тебе это обойдется всего в каких-нибудь двести рублей...

– Что?! Что ты имеешь в виду? – Такую сумму он никогда в руках не держал. Откуда это новое унижение? Неужели круги от камня, брошенного в него, разойдутся так далеко? Да и при чем тут, собственно, деньги?

– Я имею в виду, что двести рублей (или около того) у тебя вычтут из зарплаты. Причем вполне официально. Ты же слышал, что сказал бригадир? – «качество выполнения работ».

– Но какая связь? Этого не может быть!

– Ты мне не веришь? Мне? – Женя встал.

– Да как же я могу тебе верить, если ты такое говоришь!

– Что же я такого говорю?!

– А то! Отец Павлика Морозова – не кулак, а председатель сельсовета. Так? – Так. – Женя кивнул.

- Коммуны у нас разогнали, а мы живем при крепостном праве. Так?
- Так.
- И «Аврора» не стреляла?
- Не стреляла!
- И мой отец не должен был выжить?
- Вообще говоря, нет.
- Но ведь тогда и я – слышишь! – и я бы тогда не родился. Но ведь вот же я! Вот! Что, нечего сказать?
- Хватит, поговорили!.. – Женя поднял рукавицы и не оглядываясь пошел прочь.
- ...Однако предсказание скоро стало сбываться.

2

Кончилось время восторгов, время стихов. Кончилось и время споров. Пошли анекдоты, сальные, злые (если рядом была Вера, многие места заменяли на тра-та-та). Бетона не было, третью неделю. И каждый тихо зверел – один – в своей яме. Бригадир приходил – смотрел, покрикивал, но больше сидел в каптерке. Разговаривать с Женей стало невозможно – он громко, чтобы все слышали, кричал: «Кто испортил воздух?!» А иногда начинал сам, ласково так: «Павлик! Трах-тарарах!..» – Павел молчал. Но однажды ответил: «Что, Женя? Тёх-тири-дёх!» – Женя остолбенел.

– Закрой рот, Женя, – сказал Костя, – муха влетит!

Смеялись на сей раз над Женей... Павел неожиданно отыграл несколько очков. Правда, для этого он на что-то в себе наступил. Но это было уже не больно. Это было легко... Ведь это так просто – быть как все. Надо быть как все! И все же ему казалось, что сделал это кто-то другой...

Теперь он все больше оставался один. Даже в перекур. Он был даже рад этому – если вообще мог быть чему-нибудь рад. А сегодня – яма. «Хорошо, хоть камней нет. Эх, гори оно все!..» – Но он скреб глину совком – в ритме, рассчитанном на десять часов. А мозг жевал свою жвачку. Отец... Что он знает о нем? Почти вся мебель в доме сделана его руками. Он любит напевать «По долинам и по взгорьям», особенно в ванной. На демонстрации отец сажал Павлика себе на шею... А однажды, когда Павлика наказали и он горько плакал, – погладил по голове. Просто, подошел и погладил...

– Павел! – Рядом стоял бригадир. – Ничего, что так называю тебя? Ведь ты не мальчик. Так вот, Павел, такая работа не пойдет! Дай-ка лопату...

Бригадир сошел в яму, резкими, конвульсивными движениями стал копать. А Павел стоял рядом и не знал, куда деть руки. Долго – минут пять, а может, и все десять. Но вот бригадир устал:

– На, держи! – он тяжело дышал. – Вот как надо! – Вылез из ямы, вплотную подошел – под козырьком каски крупные капли пота:

– Если хочешь знать, Павел, бригадир вообще не обязан вкалывать – он должен обеспечить фронт работ. Вот так. Много у нас охотников – чужими руками жар загребать!

«Ему на меня наговорили! Если сейчас промолчу...» – Но что же он может сказать?

– Постой, – сказал Павел (он не мог говорить), – постой...

– Слушаю тебя, – бригадир вздохнул свободней.

– Чужими руками?! Да ты на меня посмотри, посмотри на меня!

– Что ты хочешь мне показать? Мозоли? Мозоли возникают от неквалифицированного обращения с инструментом. То есть это скорее минус, чем плюс. Ну? Роба у тебя мокрая? Так это кто как потеет! Я, например, сразу потею... В общем, так. Сегодня ставлю тебе восемь часов. Завтра за такую работу – шесть. Учти.

Руки дрожали – он чуть не выронил сигарету. Покурил. Посмотрел на часы: пора идти на обед. Он вспомнил, как на днях бригадир говорил Севе: «Учти, это твои трудности. Ты сюда приехал работать – ра-бо-тать, а не на пианино играть! Руки у него!..» – Может, и тогда бригадир был не прав?

Он взял лопату и побрел. Глина и вода. Вода и глина. Мрак. Серые стены... Рядом, за стеной, он услышал крик:

– ...Вот так, Гера! Шесть часов! И если ты еще будешь сачковать – смотри!

В закутке – гриб боровик – Гера в каске. Усики смешно торчат. Глаза полны слез...

«Ах вот оно что!.. Да тут целая кампания затевается – ловля сачков...» Гера! А как он играл на гитаре, какие песни... Хорошие они ребята – и Ваня Лукин, и Володя Ахметов, и Алик Гринман... Но особенно Саша Матвеев! Саша показал аккорды на гитаре... И вот, Гера!.. К супу он еле притронулся, чуть-чуть поковырял гречку, выпил компот с хлебом – злые языки утверждали, что в компот перестали подливать бром, оттого все и перегрызлись. В предбаннике он увидел Витю – только Витя мог ему помочь...

3

– Витя, я хотел... с тобой поговорить!..

– Да? Я готов выслушать тебя. Пошли, не здесь же... – они вышли из каптерки, остановились в пустом закутке. – Собственно, я в курсе... Зря ты обидел Женю, он хотел тебе только добра.

– Я это от него уже слышал.

– Вряд ли я смогу сообщить тебе что-нибудь новое. Женя сказал тебе правду. Во всяком случае, я придерживаюсь его точки зрения.

– И насчет женщин?

– Насчет женщин... Видишь ли – надеюсь, это останется между нами? – Женя недавно развелся с женой. И вряд ли он может быть объективен в этом вопросе. Вот и всё.

– А насчет лагерей?

– Насчет лагерей?.. В сущности – не удивляйся! – в сущности, и мы все здесь ээки, добровольные ээки...

– погоди, я хочу понять... То, что он рассказывает о лагерях, – это ужасно. Но мало ли можно напридумывать ужасов!

– Все это – правда. Так было...

– Но если это правда, почему я об этом до сих пор ничего ни от кого не слышал?

– Ты еще о многом ничего ни от кого не слышал, но ведь это не значит, что всё это неправда.

– Нет, конечно... погоди, у меня даже была такая теория: чего мы не знаем, то для нас не существует. Ну, вот хотя бы Древний Рим – он для нас существует, поскольку мы о нем знаем. Теперь представь: мы ничего о нем не знаем, тогда...

– Но Древний Рим все равно существовал, знаем мы о нем или нет. Знаем, не знаем – это факт биографии, а не истории.

– Ну, черт с ним, с Римом... Но ведь это же – наше время!

– Наше время? Я заранее прошу прощения, но... знаешь ли ты, который сейчас час?

– Что? Но при чем тут...

– Скажи мне, пожалуйста, который час.

– Ну... – Павел посмотрел на часы. – Тридцать две минуты второго. Значит, в Москве примерно половина десятого.

– На самом деле, половина девятого. В тысяча девятьсот тридцатом году в нашей стране принято так называемое «декретное время» – стрелки часов передвинули на час вперед. Видишь, ты об этом не знал...

– Ну хорошо, допустим я во все это поверил. Допустим. Но как же после этого жить? как чувствовать себя человеком, а не двуногой тварью, с которой другая тварь, посильнее, может сделать все что угодно?

– Если с самого начала чувствовать себя тварью, то вопрос, понятно, отпадает. А если речь идет о сохранении человеческого достоинства, то – вспомни историю – ради этого шли на костер.

– Хорошо. Но все же правда правде рознь. Если ребенок узнает, что его родители – не его? Если врач говорит больному, что у него рак?..

– Это сложный вопрос, здесь мы его не решим – обед кончится.

– А почему ты говоришь, что мы – зэки?

– Это проще. Ты изучал в школе обществоведение. Так вот, способ производства проходит ряд последовательных стадий. Когда была открыта Америка, а уровень производительных сил был еще низок на этой территории, там установился рабовладельческий строй – негры, плантации... После революции в России – то же самое: уровень развития производительных сил крайне низок. Заводы – в крупных промышленных центрах. На остальной территории – вновь открытая «Америка». Государство нуждалось в рабах. А где их взять? Так появился ГУЛАГ. Во время войны заводы эвакуировались, появились новые промышленные районы – так что, если бы не война...

– Но ведь Женя говорит: брали тех, кто ни в чем не виноват!

– А кто будет работать, воры в законе?

– Но ведь не враги, не фашисты! – свои, в своей стране! – Павел задохнулся. Он вспомнил... Снежные сумерки, крупные хлопья, ничего не видно в двух шагах... «Сколько время? – Перед ним стоял рослый парень, лет шестнадцати. – Часы, говорю, покажи!» – Часов не было. – «А ну, покажь карманы!» – «Нет!»... (Потом была больница... Потом – секция самбо.) Он словно видел взгляд того парня, глаза...

– А теперь? Ты говоришь, мы – зэки?

– И теперь немало проблем. У нас – дальние отряды: рабочий день – десять-двенадцать часов, кое-где даже без выходных. Вспомни, одно из первых требований рабочих – восьмичасовой рабочий день...

– Да, но мы сюда приехали добровольно, по желанию! Мы получаем зарплату!

– Зэки тоже получают зарплату. Ты этого не знал?.. Добровольно? Мы – добровольно. Но после второго курса это обязательно. И «картошка» – тоже. Ну ладно, обед кончается...

– Подожди, еще личный вопрос... Со стороны, говорят, виднее... Словом, какие ты видишь во мне недостатки?

– Недостатки? – Витя улыбнулся. – Ну что ж... Только не обижаться! – договорились? Ты действительно хочешь это знать?

– Да.

– Хорошо. Недостаток первый – и, пожалуй, самый большой. Правда, с возрастом это, говорят, проходит. У тебя всё на лице написано.

«Что? Что он хочет этим сказать?» А ведь Витя прав: если он видел, что Вера на него посмотрела, то, должно быть, он сам смотрел на нее во все глаза!

– Ты удивлен? В твоём возрасте это уже надо знать. Ну что ж... Недостаток второй. Тебе невероятно везет, невероятно!

– Да, как утопленнику...

– Нет, я серьезно.

– Вот и Женя считает, что мне повезло родиться...

– Вот как? Мне он ничего об этом не говорил!.. Но я рад, что наши наблюдения совпадают.

– И о чем же говорят твои «наблюдения»?

– Факты? – пожалуйста. Ты родился в Москве. И кстати, именно поэтому ты не понимаешь, как тебе в этом повезло, ведь многие стремятся в Москву, очень многие. И очень стремятся.

– Но многие в ней и рождаются.

– Да, но это не все. Ты окончил школу – и сразу, с первого захода поступил в институт... Вероятно, это было не легко. Но факт остается фактом: ты поступил.

– Но ведь и таких немало. И ты поступил.

– Да, я сейчас на втором курсе, так же, как и ты. Но, между прочим, я служил. Четыре года. На подводной лодке. На субмарине. Звучит романтично? У меня нет желания рассказывать об этом подробно. Но можешь мне поверить, что настоящие «проблемы общения» возникают именно там. И вот мне двадцать три... Но мы отвлеклись... Кстати, ты знаешь, кто самый старший в бригаде?

– Бригадир? Женя?

– Нет, не угадал. Мишка, ему двадцать девять. Правда, он уже на пятом... На чем мы остановились?

– Поступил в институт, поехал в отряд. Но здесь все мое «везение» кончилось.

– Как раз наоборот! Я знаю, что тогда ты пришел позже меня. День строителя, помнишь? Человек двадцать засекли после отбоя. В том числе и меня. Нас отчислили из отряда – ждем только билет на самолет. Могут исключить из института, из комсомола... А с тебя как с гуся вода!

– А кто-нибудь еще про меня знает?

– Да все почти знают. Но такая система: не пойман – не вор! Не сердись... Я к тебе неплохо отношусь... Тебе просто невероятно везет! Вот и Вера...

– Что! Что Вера?

Витя молчал. Павел проклинал и себя, и Витю за его молчание, но поезд уже ушел...

– Что ты хотел сказать?

– Ничего, проехали. – Витя поправил каску. – Вот и Вера... намного старше тебя. Она ровесница мне и Жене. Вот и всё.

– погоди, – сказал Павел (он надеялся, что разговор как-нибудь опять свернет в то же русло), – погоди, ну, допустим, мне везет. Но в чем же ты видишь тут недостаток?

– Недостаток? – Витя улыбнулся; он понял, что скользких мест надо избегать. – Как тебе сказать?.. Не всем это нравится... Я – другое дело, я переживу... Теперь – еще. Недостаток третий. Вот ты спортом занимаешься, стихи пишешь – ну, не смущайся! – пробуешь рисовать...

– Но что же в этом плохого?!

– Собственно, ничего. Но лучше остановиться на чем-нибудь одном. Вот я, например, еще в школе начал интересоваться русским романсом. Сейчас у меня большая фонотека. Сам я пою, немного. – Витя улыбнулся. – Так вот, по этому поводу... Я хотел тебя спросить... – В глазах у Вити появилась лукавая искорка (ну точно Евгений Крокодилыч!) – А может, ты еще и поешь?

– Пою, – спокойно ответил Павел. – В ванне.

4

Лом выскальзывал из рук, сердце стучало. Кашель... Насморк был почти у всех. И он – уже недели три – не расставался с платком. Но сейчас начиналось всерьез: жар, голова горит. Он продолжал долбить: «Раз, рраз! Еще раз! Ну, еще немного... Ну!» Где-то за стеной урчал бульдозер.

Они уже перешли на другую половину цеха. Здесь было сухо. Но – пыль забивалась в нос, летела в глаза. Зато здесь совсем не было труб. («Проклятые трубы!..») Все равно не успеют: последняя неделя... В воскресенье Витя улетел – они даже не попрощались... Снова ходили

в поход, почти все бригады – он не пошел: немного обварил ногу в наряде: напарник неожиданно поднял на себя бак со щами («Мышей не ловишь!»). Но он был даже рад этому, рад! – Если бы кто-нибудь еще месяц назад сказал, что так будет... Зато они были с Леной в кино! И он – целый час – чувствовал себя Жофреем де Пейраком. А теперь – снова яма. И пыль...

Рядом остановились бригадир и Костя. – «А! Явились не запылились! Пришли посмотреть, как вкалывает сачок... А мы – раз! Рраз!» – Но они будто не замечали его.

Тускло светили тысячеваттные лампы под потолком. Где-то урчал бульдозер – с переливом, с переменной тембра... «Тьфу, черт, какой „бульдозер“? В час ночи! Рраз!...»

– ...А ты как думаешь? – спросил бригадир.

– Ты бугор – тебе и решать! – прокаркал Костя. – Деньги есть? Ну, дай ему на бутылку.

– Трешка... Другого выхода нет: не успеем. Аккордно обещали заплатить.

Бригадир быстро пошел вдоль цеха, огибая ямы. Впереди, метрах в ста можно было разглядеть маленький маневренный экскаватор. В кабине темно; водитель, видимо, спал.

К Косте подошли еще люди, почти вся бригада. Бригадир прибежал назад:

– Порядок! Павел, вылезай.

Он будто не слышал. – «Почему – вылезай? Зачем – вылезай? Рраз!»

– Павел!.. Да вытащите его! – «Кого? – его?! Ну пусть попробуют! Рраз!»

Подойти не решались: лом взлетал над ямой. «Нет! Я сачок, сачок! Раз!..» – бормотал он. И только когда подъехал экскаватор, выставил лапы и поднял ковш, он дал себя увести...

Прислонился к стене. Стена была холодная, он немного остыл. Экскаватор не торопясь протягивал вперед железную руку, опускал в яму, подгибал ковш, напряжившись сочленениями, кряхтел, выносил ковш вверх и в сторону, выбирая грунт. В лучах фар клубилась изжелта-бурая пыль...

Через две минуты яма была готова – только края завалены. Машина переползла к соседней яме – работала еще минут пять...

– Как же так, Валера? – от удивления он назвал бригадира по имени. – Все ямы можно было вырыть за один день?

– Максимум – за два.

– А трубы? По ним не пройдешь...

– Что трубы? Прорабов до хрена!..

5

Работать не хотелось. Но он монотонно тюкал киркой в дно траншеи – здесь должна была лечь труба. Экскаватор и лом, лом и экскаватор! «Производительные силы»... Тут что-то не так. Что-то напутал Витя со своей теорией...

– Работаешь? – Прямо перед ним на краю траншеи – заляпанные глиной сапоги. («Таллер! Чего ему еще? Гад!»)

– Работаешь? Ну и дуррак! Кто же работает в последний день!

Павел отложил кирку и взял лопату.

– В прошлом году я тоже был, вроде тебя...

– Что значит – вроде меня?

– Так... Приехал с раскрытой варешкой. Но потом многое понял. А ты салага еще!

– И что же ты «понял»? – Павел оперся на лопату, задрал голову вверх. Таллер возвышался над траншеей.

– А то! Ты на коллектив плюнешь – коллектив утрется, а коллектив на тебя плюнет – ты потонешь! Понял? Здесь, как в армии, понял? Не можешь – научим, не хочешь – заставим! Понял?

Павел вылез и, опершись на лопату, встал лицом к лицу:

– А ты был в армии?

– Нет... В армии был мой двоюродный брат, он мне все объяснил. Он жизнь узнал, понял? Знаешь, какой там главный принцип?

Павел молчал, «принципами» он был уже сыт.

– Так знаешь, какой там главный принцип? – *Кого дерет чужое горе!* Да! Запомни: кого дерет чужое горе! Понял? Ничего, на будущий год и ты поймешь, что к чему. Правда, в дальний отряд тебя теперь уже не возьмут...

– Нет, не пойму.

– Что?! Ну и дурак! Дуррак!

– Послушай, ты!.. – лопата отлетела в сторону.

Вот он – враг! Сейчас он заплатит за все! И за того... Он видел глаза того парня – наслаждение, с которым тот бил его (за что?), ярость в этих глазах, когда и в карманах ничего не оказалось, кроме ключей... Он бил и бил, точно рассчитывая каждый удар. Собака, злая собака! Много раз ему снился один и тот же сон: колючая проволока; лай собак... И – глаза, эти глаза. И вот теперь настал его час...

Но у Таллера совсем другой взгляд: он кричит, а сам будто молит о чем-то. Смотрит затравленно, пыжится через силу... Все равно. Сейчас он заплатит за все!

– Послушай, ты!!

Но Таллер уже не слушал его – только потянул носом воздух, схватил кирку, прыгнул в траншею и стал чесать по дну – неглубоко, но рысью – весь в экстазе и в пыли... («Что это с ним?»)

Из-за стены, словно из-за кулис, вышли бригадир и комиссар отряда; бригадир держал свернутую газетку. Они подошли к траншее: «Вот, это его фотография в местной газете – ударник!» – Комиссар кивнул.

– Работает, Костя?

– Как видишь! – Таллер перешел на галоп. Но комиссар уже вышел.

– А ты? – стоишь? – Бригадир многозначительно посмотрел на него, постучал газеткой по ладони. – Ну-ну.

Он хотел ответить – «Кто же работает в последний день!» или что-нибудь в этом роде, – но не мог разжать челюсти: боялся, что заплачет. Сила, которая должна была выйти и сокрушить, осталась и сокрушала – внутри.

6

– Пойдем, – сказал Павел, – пойдем!

Орали колонки. Они протиснулись между танцующих тел – за ворота, во тьму. Лена едва успевала за ним, но он крепко держал ее руку. У ворот он чуть не сбил Веру со Славиком, – Славик даже вроде подмигнул ему. Славик – ну точно бубновый валет из атласной колоды! – обнимал Веру за плечи, тянул нараспев: «Какие волосы! Ах, какие у тебя волосы!»

Он не хотел, чтобы Лена видела его лицо. Трудно, очень трудно это сказать. Но он решил: теперь или никогда, надо быть мужчиной. От напряжения ему показалось, что говорит будто кто-то другой – его губами, и он повторил: «Пойдем!»

Ни звука! Вот сейчас она скажет нет – и кончится этот кошмар. Ведь он не любит ее, совсем. Да если бы он любил ее – смог бы он *это* ей сказать?! А вдруг она так и не ответит ничего – просто пойдет?

– Куда? – выдохнула наконец Лена.

В самом деле, куда? Куда идти? И что надо будет делать? Этого он не знал. Но тот, другой, уже подумал за него: «Странный вопрос – куда. Девочку из себя строит!»

– Тебе видней, – сказал он чужими губами, – ты здесь лучше ориентируешься...

Лена вырвала руку, прижалась к забору. Тот, другой, полностью подавил его. Теперь ему казалось, что он знает, и всегда знал, куда надо идти и что делать. Ах, да! Кажется, так пола-

гается: она согласится, но не сразу. – «Поломается и ляжет!» – подсказал Другой. Глаза ее поблескивали в темноте – боится? плачет? смеется над ним?

– Ты сам понимаешь, чего просишь?!

Но тот, другой, не хотел ничего понимать:

– Завтра... Завтра мы уезжаем.

– Пожалуйста, пойдем танцевать!.. – слезы...

Он чувствовал, что Лена права, – тем больше это бесило его. «Славику можно, а тебе нет?» – не унимался Другой. Он злобно взглянул на нее:

– Да – или нет?

– Нет!

– Тогда... – Ну что «тогда», ну что?! Да что он может, ничтожный раб, который и вовсе не должен был родиться, которого каждый может послать, даже эта девчонка, моложе его...

– Тогда – катись!

Он бежал через лес, плутал в темноте, пока не вышел к реке. Над рекой, мигая бортовыми огнями, бесшумно шел самолет. Где-то вдалеке, за спиной, пели колонки – еле слышно, но слова уже застряли в ушах: «Вот так человек! (пам-па-пам!) сегодня живет! – А завтра заче-ем-то возьмет и умрет! А завтра заче-ем-то возьмет и умрет!..»

7

– Вот моя деревня!..

– Прощай, мой табор!

– Вперед и вверх!

– Девчонок не берем!

На узкой лестнице с бесконечной чередой пролетов гулко отдавались выкрики, топот ног... Они поднялись на крышу цеха, похожую на взлетную полосу, в первый и последний раз. Предосенний ветер шевелил волосы, воротнички, надувал рукава... Отсюда был виден котлован на месте будущих очистных. И длинные корпуса завода. И кварталы игрушечных домишек. Тайга, сопки, холодное синее небо. Небо и ветер...

Вчера он заснул в палате – один, больше никого не было: гуляли до утра. Завтрак он проспал. Его разбудил грохочущий бас: «...Да что говорить! Сейчас все говорят! Говорят о воспитании нового человека – строителя коммунизма. Да мы уже воспитали этого человека! (Вот, полюбуйтесь!) Но он ничего не знает! И ничего не хочет знать! Разница всего пять лет! А какая разница!» – Потом чей-то незнакомый (и в то же время удивительно знакомый) голос: «Не обижайте мальчика...»

Завтрак он проспал (да нужен ему этот завтрак!). И не расписался... Бригадир дал ему ведомость: «Ищи себя, деньги получишь в Москве». По левому краю – список бригады. Последние три фамилии он видел в первый раз... «Что смотришь? Ты себя, себя ищи! Нечего по сторонам смотреть! Эти? (Это были фамилии членов районного штаба.) Они не смогли приехать. Заболели в последний день, не вычеркивать же... А деньги – в фонд отряда. Ну, нашел? Да вот же! Смотри, правая колонка – это итог...»

Он не хотел верить, хотя и видел четко напечатанные на машинке цифры... Таллер – 540, Женя – 430... Только у Геры чуть меньше, чем у него, – 310. «Вот, значит, как...»

– Как же так, бригадир, всем поровну ведь обещали?

– Ну, это кто как работал... Ты ведь знаешь наш принцип: *каждому – по его труду*. Вот так!

– Но как это ты мой труд посчитал? Откуда эти цифры?

– Ах тебе табель показать? Пожалуйста! – бригадир достал из папки два больших листа разлинованной на клетки бумаги: – Пожалуйста, вот июль. А вот август.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.